

Кутковская Анна

Динкина
акварель

18+

Анна Кутковская

Динкина акварель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64729137

SelfPub; 2022

Аннотация

Конец девяностых. Динка живет в заштатном городишке нашей необъятной Родины. Ни денег, ни работы, ни будущего. В отчаянии семья планирует переезд и в поисках лучшей жизни собирается в Москву. Но для Динки это становится настоящей трагедией. Маленькое и незначительное для взрослых, но такое необъятное и глубокое для самой Динки горе, с которым она не знает, как бороться. Этот рассказ – о большой трагедии маленького человека.

Анна Кутковская

Динкина акварель

Динка проснулась посреди ночи – будто кто в бок ее ткнул. Младшая сестра, Маняша, посапывала на соседней кровати. Луна заглядывала в окно ополовиненным боком – то ли надкусанный блин, то ли початый круг сыра. Серебристый ее свет мягко обводил немудреное убранство детской комнаты: стол-книжка, заменявший сестрам письменный стол, рядом – два стула с аккуратными горками покрывал на сиденьях и школьной одежды на спинках. Кособокий шкаф с деревяшкой вместо ножки – Динка постоянно ударялась об эту распорку то мизинцем, то большим пальцем. Книжная полка с учебниками и настольная лампа – вот и все, что было в детской.

За стеной кто-то бубнил. Сначала Динка решила, что это соседи. Но, прислушавшись, узнала голос отца. Странно, почему отец не спит? Неужели опять пьян? Динка очень отчетливо помнила те моменты, когда отец приходил домой пьяным. Она научилась угадывать его настроение: если в руках отца были цветы с соседского газона, пачка печенья, бутылка «Буратино» – хоть что-нибудь, значит, папа добрый. Если же отец приходил с пустыми руками, она знала: лучше спрятаться.

Отец скидывал обувь и рабочую одежду на пол, не умыв-

шись шел на кухню. Суп ел прямо из кастрюли ложкой, вылавливая все мясо, а потом бросал многострадальную ложку с громким звоном в раковину.

Если мама была дома, начиналась ссора. Отец укорял ее за то, что она не работает («Да где же я работу найду, если ее нет»), не экономит («Вась, девчонки и так мясо едят раз в неделю, куда еще экономить»), что хлеб черствый и еще, и еще, и еще... Когда мама наконец-то нашла работу, упрекал ее в том, что она бросает семью среди ночи, и вообще – подозрительная работа какая-то. «Уж не путанишь ли?» – грозно вопрошал отец. Динка не знала, что значит это слово, но смутно представляла себе, что это как-то связано с запутыванием: людей ли, ниток, бельевых веревок. С одной стороны, она была рада, что мама нашла работу – в доме появилось молоко, а иногда и свежие фрукты. С другой – поддерживала отца: зачем что-то или кого-то запутывать? Но, так или иначе, в такие моменты девочки прятались в комнате и боялись выйти даже в уборную. Потом отец перестал пить.

Обычно он приходил с работы в шесть вечера, если же задерживался, это означало одно – пьет. Вот и в этот раз часы показывали четверть девятого, а отца все не было. Маняша с тревогой смотрела на циферблат, потом на Динку, потом на маму – и так по кругу. Мама собиралась на работу, давая Динке последние указания, но та слушала ее вполуха – смотрела то на часы, то за окно.

А за окном лип к стеклам серый беспросветный и холод-

ный ноябрь. Ветер завывал в полуоткрытой форточке, в стекло колотился снег с дождем, оставляя после себя длинные мокрые дорожки. И от этого всего Динке было горько и безрадостно.

– Мамуля, пожалуйста, останься сегодня дома, – прерывающимся голосом попросила она.

– Дина, ты уже взрослая, должна понять, что...

– Работа, – перебила ее Динка и тихо вздохнула, – когда-нибудь мы будем жить хорошо?

– Конечно, – мама ласково погладила Динку по щеке, а глаза ее странно заблестели.

Тут в замочной скважине раздался шорох ключей. Динка бросилась открывать двери. На пороге стоял отец: мокрый – вода стекала с него ручьями, нос посинел от холода, в покрасневших обветренных руках он держал что-то маленькое и пищущее. «Принес!» – возликовала Динка внутри и кинулась к отцу. Тот протянул ей сложенные руки и, виновато улыбаясь, произнес:

– Вот, нашел у подъезда. Почти замерз и плакал как ребенок.

Подбежала Маняша, выхватила из рук отца пищущий комочек и, причитая, утащила его в комнату. Динка бросилась следом за ней. Увлеченные спасением котенка, они не сразу услышали, как отец с матерью начали ругаться.

– Закрой рот, тупая баба, я содержу тебя и твоих детей!

– Это наши дети! Я работаю также, как и ты, а еще огород

и быт тяну на себе, пока ты в гараже пьешь!

– Еще неизвестно, что там у тебя за работа такая по ночам!

– Постыдился бы уж чепуху молоть! Последние мозги пропил!

– Не называй меня алкашом, а то...

– А то что? Что ты мне сделаешь? Уйдешь? Скатертью дорога! Только кому ты нужен, алкаш несчастный!

– Я сказал, не смей...

Потом в коридоре что-то ухнуло, стукнуло, коротко, почаячы и как-то болезненно вскрикнула мама. Динка рванулась в прихожую. Тусклая лампочка без абажура освещала унылым желтым светом отца с занесенным кулаком и маму, сидевшую на полу у вешалки. Из носа у нее текла струйка крови, щека была круглая и красная, как зимнее яблоко. Не соображая, что делает, Динка повисла на поднятой руке отца.

– Папочка, пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. Там Маняша, не надо, – повторяя эту скороговорку, она заглянула в глаза отца – пьяные и налитые кровью. Глаза не человека – зверя.

От страха Динка заплакала. Потом случилось сразу много всего и быстро: отец рухнул на колени как подкошенный, мать кинулась к нему, подхватила Динку и оттащила под вешалку, из комнаты с громким криком и плачем выскочила Маняша. Когда же отец уснул посреди прихожей, как был – в рабочей одежде, похожий на кучу грязного белья, мама уло-

жила девочек спать, а сама убежала на работу.

Утром Динка увидела отца: опухший, но чисто выбритый, после душа, он приготовил завтрак, накрыл на стол и ходил от окна к столу в ожидании жены. На столе стояли цветы.

Когда мама пришла домой, Динка сперва не узнала ее: левая половина ее лица стала похожа на баклажан. Не обращая внимания на мужа, она обняла дочерей и прошла в спальню, чтобы переодеться. Но не успела она сделать и шагу, как отец бросился к ней в ноги, обхватил колени и заговорил прерывающимся голосом:

– Надя, прости, прости непутевого! Больше ни капли в рот не возьму, только прости!

Мама стояла молча, будто окаменев, смотрела куда-то в сторону. По щекам у нее снова текли слезы. Как будто через силу она подняла руку и тронула мужа за плечо:

– Вставай, Вась. Будет тебе уже, дети смотрят.

С того момента прошло два года. Отец не пил даже пиво, даже на Новый год, даже на день рождения. Котенок тот вырос в Графа – ласкового, но ленивого кота.

И вот теперь Динка с замиранием сердца прислушивалась к разговору за стеной. Неужели отец снова начал пить?

Тихонько, чтобы не скрипнула кровать, она вылезла из-под одеяла и на цыпочках прошла к кухне, встала под дверями и прислушалась.

– ...и никак иначе. Надо уезжать.

– Вась, ну куда ехать-то, подумай. Тут у нас и квартира, и

огород, тут и родители похоронены.

– Завод закрывают, работать будет негде, – кипятился отец.

– Да как же так, да разве ж так можно, – причитала мама. – Где же люди будут работать? Как жить? На что детей кормить?

– Вот потому и надо уезжать, пока есть возможность.

– Ох, Вася, куда же мы поедем. Кому и где мы нужны?

– Не знаю, но надо уезжать.

Динка оторопела: как уезжать? Куда? Зачем? А как же конкурс в художке? Ведь главный приз же – поездка в Москву! Родители еще о чем-то спорили, но Динка уже не слушала и не слышала их.

За окнами набирал силу апрель: весело чирикали воробьи, барабанила по подоконникам капель, на улице пахло остро,пряно и мокро. От этого запаха у Динки начинала немного кружиться голова, а в груди становилось так тесно, что хотелось выскочить на улицу и бежать, покуда есть силы, а потом еще маленько.

Обычно в это время мама проращивала на подоконнике в марле огурцы и помидоры, в маленьких баночках зеленели росточки болгарского перца. Отец перебирал старую «Ниву», которая на своем веку перевезла столько мешков картошки, что счету им нет. Конечно, старушке уже пора было на покой, но, так как заменить ее никто не мог, она все еще было на ходу.

Этой весной все было иначе: родители запирались на кухне, о чем-то спорили вполголоса, щелкали кнопками калькулятора, пили пустой чай. После таких посиделок Динка находила на кухне тетрадные листы со столбиками цифр и адресами, выведенными маминым аккуратным почерком.

Наконец в одну из апрельских суббот Динка не выдержала и решила поговорить с мамой. Но с самого утра она никак не могла поймать ее. То у Маняши порвались носки и их нужно срочно зашить, то поставить готовить обед, то окна вымыть. А потом Динка помогала маме стирать – ох и не любила Динка субботние стирки!

Замоченное накануне белье нужно было отжать, потом набрать в стиральную машинку воды, насыпать порошок и аккуратно, чтобы не наплескать водой на пол, положить туда белье. И если справиться с футболками, наволочками и полотенцами Динка могла без проблем, то с пододеяльниками и простынями приходилось попотеть. Мокрое тяжелое белье так и норовило подмести собой пол, горячая вода обжигала руки, от порошка щипало царапины и заусенцы.

Потом наступила очередь полоскания и развешивания. Маленькая «Мечта» была без центрифуги, поэтому и тут приходилось работать руками. Этот последний этап Динка любила больше всего – это значило, что самое тяжелое позади. Осталось всего-то вымыть машинку, тазы, пол в ванной комнате и помыться самой. После этого можно было отдохнуть – сделать уроки или собираться в художку.

Мама, как будто вовсе не уставшая после стирки и уборки, вытащила из старого шкафа все вещи и стала перебирать их, сортируя по кучам. Путаясь в чулках, в которых зимой хранили лук, запинаясь о старые сапоги и какие-то коробки, Динка пробралась к маме.

– Мам, а куда мы переезжаем?

– Переезжаем? – всколыхнулась мама. – О чем ты говоришь?

– Я слышала ночью, как вы с папой говорили об этом на кухне еще в марте.

– Динка... – только и нашлась мама.

– Мы уедем далеко? – не отступалась та.

– Папа сказал, что в Москву, – мама поняла, что ее прижали к стенке и отступить ей некуда, поэтому капитулировала быстро.

– В Москву? – задохнулась Динка. Это «в Москву» звучало для нее также неправдоподобно, как если бы родители собрались лететь жить на Луну.

Динка молчала, переваривая услышанное. Мама, видимо, решив, что вопросы кончились, спросила Динку сама:

– Ты помнишь, у тебя сегодня художка?

– Угу.

– Хорошо, – она пристально посмотрела на Динку и добавила, – только Маняше пока ничего не говори, пожалуйста. И вообще никому ничего не говори.

Динка шла в художку, а в голове у нее билось: «в Москву, в Москву». Она представляла себе, что такое Москва – иногда смотрела новости. К тому же в художке сейчас только и было разговоров, что о Москве.

Задумчивая, она никак не могла собраться с мыслями даже на уроке. И хотя рисовала она всегда лучше всех, а учителя хвалили ее за талант и умение, сегодня у девочки все валилось из рук. Поэтому, когда пришло время сдавать работу – сегодня рисовали натюрморт, Динка сдала пустой лист с еле видными набросками.

– Дина, что это такое? – воскликнула Елизавета Михайловна.

Но, взглядевшись в лицо девочки, настороженно спросила: – Все хорошо? На тебе лица нет.

Динка хотела ответить, что у нее не все хорошо, точнее – все плохо. Но, помня наказ мамы, молча замотала головой и буркнула:

– Все нормально, – и, запихнув в сумку альбом, краски и кисти, выскочила из класса вон.

Елизавета Михайловна только вздохнула и покачала головой: не поймешь этих подростков.

Динки брела домой, не замечая прохожих. Они, беззаботные и веселые субботней радостью, гулкой толпой огибали ее. И не было им дела до того, что у человека рушится мир, жизнь старая расплзается на лоскуты, как изношенное платье, а новая – неизвестная и страшная, ждет в Москве. Из

печальных раздумий Динку вырвал веселый голос Марины – ее закадычной подруги.

– Динка, привет! Ты чего такая! – она налетела на подругу радостным вихрем. – Я заходила за тобой, но твоя мама сказала... Ой, ты что, плачешь?

– Нет, еще чего! – сердито отозвалась Динка и шмыгнула носом.

– Не плачь! Я тебе такую новость расскажу! – глаза подруги горели огнем. – Помнишь Игоря из 8 «Д», который с нашим Сашкой Котовым дружит?

– Конечно помню. Ты же мне все уши прожужжала про него.

– Представляешь, он сегодня подошел ко мне в магазине, когда я за хлебом стояла, и говорит: «В среду у Сани день рождения, ты придешь?»

– И что дальше? – Динка была не в настроении расшифровывать туманные намеки подруги.

– А то, глупая ты, что там еще и Никита будет!

Теперь надо сделать небольшое отступление, чтобы объяснить кое-что. Саня Котов – одноклассник Динки и Марины и, кроме этого, двоюродный брат последней. Саня дружил с Игорем и Никитой, которые, как вам уже известно, учились в 8 «Д». Игорь был своим человеком в любой компании – везде его знали и принимали как родного, потому что он был счастливым обладателем красивой лакированной гитары. Гитара эта, вкупе с приятным голосом и наружно-

стью, добавляли ему веса в глазах сверстников.

Никита на гитаре не играл, пел посредственно, но прославился в узких кругах как мастер граффити. Не подумайте, никаких скабрёзностей и неприличных картинок с анатомическими подробностями на стенах, никакого мата. Никита рисовал красиво и хорошо, но из-за подросткового негативизма отказался ходить в художку, предпочтя холсту стены. По этой причине, а также некоторым другим, Динку неудержимо влекло к Никите.

Девчонки ломали головы, по какой причине Саня, еще в третьем классе отгородившийся от сестры презрением и безразличием, вдруг решил пригласить ее на день рождения, да еще с подругой.

– Ну так что, ты пойдешь? – тормошила Динку Марина.

– Да отстань ты! Может, и не пойду еще! – в притворной сердитости ответила та, но внутри у нее все пело и радовалось. – В среду, говоришь?

– Да, в среду. В семь вечера на школьном стадионе.

Глядя друг на друга, подружки рассмеялись от переполнявшей их радости. Они смеялись громко и звонко – так, как могут смеяться только дети. Хотя, по сути своей, они и были еще детьми, пусть и большими.

Проболтавшись с Маринкой по городу до вечера, голодная и счастливая Динка ворвалась в квартиру вихрем взлохмаченных волос, смеха, острых локтей и коленок. На ходу

поцеловала маму, побоксировала с отцом. В комнате подхватила на руки Маняшу, закружила ее и вместе с ней повалилась на кровать, весело хохоча.

– Динка! Ты чокнутая! – визжала младшая сестра. – Еще кружи, еще!

И Динка крутила сестру до тех пор, пока обеим не стало плохо.

– Девочки, хватит шуметь, – пожурил их отец, заглянув в комнату. – И быстро мыть руки, мама зовет к столу.

После ужина мама с отцом опять шушукались в кухне. Но Динке не было до этого никакого дела – она предвкушала среду, продумывая наряд, который можно собрать из ее нехитрого гардероба. Может, Маринка одолжит ей ту красивую юбку, из которой сама уже выросла. А из маминой сумки можно достать помаду и накрасить губы – перед самым выходом, чтобы никто не увидел. Эх, еще бы туфли или сапоги на платформе раздобыть где-нибудь.

Уже засыпая, Динка представляла себе, какой красивой она будет в среду. И уж тогда Никита точно ее заметит.

В среду Динка проснулась с великолепным настроением. С самого утра она была переполнена радостным предчувствием того, что сегодня все будет хорошо. Наскоро запив кусок хлеба с вареньем стаканом чая, Динка убежала в школу.

Каждую перемену подруги шушукались, рассказывая друг

другу, кто что наденет, кто за кем и во сколько зайдет. В общем, настроение у них было настолько радостное, что они не замечали, как местная королева – Катька Стаханова, также радостно обсуждает что-то со своей свитой, и вообще добра и приветлива сверх меры.

После уроков Динка летела домой, не чувствуя земли под ногами. Но радость быстро испарилась, как только она пришла домой – дома были гости. А это значит, ей придется помогать маме готовить, а затем убирать и мыть посуду. Ситуация исправилась, когда на шум из кухни в прихожую вышла тетя Женя – мамина старшая сестра. Высокая, грузная и темноволосая, она была отчаянной хохотушкой и очень часто проказничали вместе со своими племянницами, прикрывая их перед строгой мамой.

Однажды, гуляя с тетей Женей в парке, Динка спросила:

– Тетя Женечка, а почему у тебя нет детей?

– Бог не дал, – немного смутившись ответила та, а потом как-то сразу погрустнела и купила Динке с Маняшей еще по одному мороженому.

Динка видела, что тетя Женя расстроена тем, что у нее нет детей, и решила, что Бог – очень злой и противный дядька. Но в глубине души все же радовалась этому, иначе все карусели, мороженое и красивые платья доставались бы не им с сестрой, а тети-Жениным детям.

– Динка, привет! Ну обними ты уже свою любимую тетку! Чего стоишь столбом!

И девочка, сбросив обувь и куртку вместе с портфелем, кинулась обнимать тетку.

– Я всего месяц-то в командировке была, а ты вон как вымахала! – удивлялась тетя Женя.

– Да, вымахала, – вторила ей мама. – Опять из всего выросла, куртку вон снова покупать надо.

Каждый раз, когда мама заводила разговор о том, что Динка выросла и пора покупать новую одежду, девочка чувствовала себя виноватой: опять лишняя трата денег. Ей так хотелось хоть раз купить то, что нравилось, а не то, что подешевле. Но с мамой не поспоришь, а денег и так вечно в обрез.

– Да ладно тебе, Надя, деньги – дело наживное. Купим и куртку, и платье. Да, Динка?

– Тебе хорошо рассуждать, у тебя... – тут мама поняла, какие слова чуть не сорвались у нее с языка, ойкнула и убежала на кухню.

Тетя Женя невесело улыбнулась Динке, пригладила ей волосы:

– Как у тебя дела, золотко?

Динке захотелось рассказать тете Жене обо всем: и про переезд, и о конкурсе в художке, и о сегодняшнем дне рождения Саньки. Но только она открыла рот, как из кухни донесся голос мамы:

– Руки мыть. К столу.

За столом на Динку никто не обращал внимания. Мама и тетя Женя судачили о каких-то своих, взрослых и скучных

делах, завязанных, как и всегда, на деньгах. Динка съела суп, выпила чай и пошла делать уроки. Через полчаса в комнату заглянула Маняша и радостно затараторила:

– Мама делает тесто. Сейчас будем пельмени лепить! – и снова усвистала на кухню – греть уши.

А стрелки часов будто прилипли к циферблату. Динка сделала уроки, собрала на завтра портфель, выполнила домашнее задание для художки, но за это время прошло всего лишь полтора часа. А впереди еще целых три!

Наконец, когда не осталось вообще никаких дел, она решила подготовиться ко дню рождения. Тихонько прокравшись в ванную, Динка посмотрела на себя в зеркало и пришла к выводу, что необходимо вымыть голову. В самый разгар мытья в ванную заглянула Маняша:

– Динка, а ты зачем волосы мочишь?

– Жарко, решила освежиться. Только маме не говори, а то заругает, скажет, что заболела, – Динке не хотелось, чтобы мама задавала лишние вопросы, тем более за обедом она ее стойко игнорировала.

– Хорошо, не скажу. Но тогда я тоже хочу освежиться, – сказала Маняша, но тут же отвлеклась, услышав грохот чугунной мясорубки, которую собирали на кухне, чтобы прокрутить мясо.

Пока голова сушилась, Динка разложила на кровати небогатый свой гардероб: школьная пара – юбка и жилет, белая блузка, две водолазки – серая и зеленая, брюки и теплый сви-

тер. Форма была сразу убрана на место – не хватало еще тащиться на праздник в школьной одежде! После этого на кровати остались брюки, свитер и водолазки.

«Куртку снимать все равно не придется, холодно еще, – думала Динка, – поэтому можно надеть водолазку. Серую водолазку и брюки». Брюки, хоть и выглядели красиво, были ужасно синтетическими и липучими. А уж если надеть под них колготы... «И без колгот нельзя, холодно», – с тоской подумала Динка, глядя в окна. Там уже хмурились тучи, не оставив от солнечного ясного утра ни следа.

Глаза Динки наполнились слезами. Взрослые, узнав о причине ее слез, только бы фыркнули, мол, подумаешь. Но для Динки, для этой девочки – почти девушки, вся Вселенная свелась сейчас к одной точке – некрасивым синтетическим брюкам, в которых никуда не хочется идти.

«Джинсы, были бы у меня джинсы», – беззвучно всхлипывала она и была уверена, что, будь у нее джинсы, жизнь бы ее наладилась. Но джинсы нужно было «доставать» – как говорили взрослые, или платить за них огромные деньги на местном рынке.

Еще немного поплакав, Динка решила никуда не ходить. Она вытерла слезы, собрала волосы в хвост и пошла к телефону – звонить Маринке. Не успела она взять трубку, как в коридоре появилась мама. Увидев дочь в прихожей, сказала каким-то раздраженным голосом:

– Иди, тетя Женя подарки привезла. Ты что, плакала?

– Нет, просто дремала, – ответила Динка и пошла на кухню.

Там, вокруг большой спортивной сумки, уже плясала Маняша. В руках она сжимала разноцветную пластиковую пружинку – игрушку.

– Динка, гляди! Андамания! Она может по лестницам шагать, я у Светки такую видела! И еще она растягивается. Смотри! – тут же Маняша принялась демонстрировать чудеса гибкости шагающей пружинки.

– Ну все, угомонись, – шикнула мама, нарезая лук.

– А тебе, Динка, игрушки уже ни к чему, – назидательно сказала тетя Женя и вынула из сумки шелестящий пакет. Кухня тут же наполнилась запахом синтетики, краски и чего-то еще не менее противного. Динка развернула пакет и обомлела: джинсы! Это были джинсы! Почти как у Стахановой – клеш, с замочками на карманах и черным лакированным пояском. Уже через секунду Динка плясала рядом с Маняшей танец радости и счастья. Тетя Женя, глядя на них, радостно улыбалась, а мама качала головой:

– Ох и балуешь ты их.

Пока Маняша заставляла пружину шагать со стола на табурет, Динка примеряла джинсы. Они были чуть великоваты ей в поясе, зато в длину в самый раз. Она крутилась перед зеркалом, когда в комнату вошла мама:

– Сними джинсы, их выстирать надо.

– Но мам, я хотела....

– Дина, новые вещи нужно стирать. Всегда, – дверь в комнату закрылась.

«Ну уж нет, – злобно надулась девочка. – Не облезу, если один раз нестиранное надену».

За всей этой суматохой Динка не заметила, как пролетело время. Поэтому, когда в прихожей раздался звонок, извещающая о приходе с работы отца, она начала судорожно сушить волосы. Поняв, что не успеет, собрала их в хвост. Уже одетая заглянула на кухню.

– Мам, я пойду погуляю. Мы с Маринкой договаривались встретиться.

– Пока не поужинаешь, никуда не пойдешь, – ответила мама, закладывая пельмени в кастрюлю с кипящей водой.

– Ну мам, ну пожалуйста, – начала было Динка, но мама была непреклонна.

– Не мамкай. К тому же тетя Женя в гости приехала, подарков вам накупила, а ты сбегает. Не стыдно?

– Надя, прекрати, – вступилась за Динку тетка. – Она же ребенок, пусть гуляет. Уж всяко лучше, чем будет сидеть весь вечер с кислой миной. К тому же...

– Женя, не лезь! – осадила ее мать. – Думаешь, раз даришь дорогие подарки, можешь вместо меня детьми распоряжаться?

Лоб тети Жени сложился в складку, но тут в дело вступил отец. Сняв Маняшу с рук, он пробасил:

– Иди погуляй, но в девять вечера чтобы была дома.

– Вася..., – начала было мама, но тут же осеклась, когда в черных глазах отца заметила огонек раздражения.

Динка, не верящая в свое чудесное спасение, метнулась из кухни вон. Натянула куртку, сапоги и только потом вспомнила, что не позвонила Маринке. Скинув один сапог, доскакала до телефона и набрала номер подруги.

– Марь, привет! Да, я выхожу. Где? Хорошо, пока, – бросила трубку, развернулась и натолкнулась на тетю Женю. Та хитро улыбалась.

– Не просто гулять идешь, да?

– Ну, да... – замялась Динка. – Нас пригласили на день рождения.

– На день рождения? И без подарка? – всплеснула руками тетя Женя.

Она помогла доскакать Динке обратно до двери, дождалась, пока та наденет сапог, а после этого с заговорщицким видом протянула ей крошечную сумочку – черную, обтянутую тканью, с откидной крышкой на магнитном замочке и двумя ремешками – одним совсем коротким, а вторым – длинным, как раз хватит повесить через плечо. Дина хотела радостно завизжать, но тетя Женя приложила палец к губам, потом достала из кошелька деньги и со словами: «Это на подарок», положила деньги в сумочку.

Девочка с благодарностью обняла тетку, переложила из карманов куртки в новенькую сумочку носовой платок, старенькое, без футляра, зеркальце, расческу и ключи. А тетя

Женя, как добрая фея, продолжала колдовать. Из своей сумки достала помаду и, воровато озираясь, накрасила Динке губы. Потом брызнула на нее духами из маленького стеклянного флакона, повязала на шею свой яркий шелковый платок – синий с белыми розами. Наконец, когда сюрпризы кончились, и приготовления подошли к концу, тетя Женя обняла Динку и прошептала:

– Ты самая красивая девочка на свете. А теперь беги, но будь очень осторожна.

Шагая по улице, Динка то и дело поглядывала на часы, боясь опоздать. Но еще чаще она поглядывала на свое отражение в витринах магазинов, лужах и окнах машин. Она действительно чувствовала себя очень красивой, и от этого ей казалось, что все прохожие смотрят на нее и восхищаются ею.

Уже подходя к хлебному, Динка вспомнила, что не купила подарок. Времени было в обрез, поэтому было решено подарить деньги. Покупая красивый конверт, она пересчитала купюры, которые дала тетя Женя, и решила, что этого будет слишком много для Саньки. Часть денег Динка положила в конверт, а остаток бережно спрятала в сумочку, на потом. Но вдруг решила, что ей хочется настоящего праздника. Она зашла в соседний магазин и купила две банки газировки и упаковку жевательной резинки. Продавщица взяла деньги, отсчитала сдачу и так обыденно поставила перед Динкой

банки, как будто это была не заграничная газировка, да еще в непривычных банках, а две булки хлеба. Девочка положила жвачку в карман, а банки, уже изрядно запотевшие, взяла в руки. Металл приятно охлаждал кожу. Потоптавшись на углу хлебного примерно две минуты, она увидела Маринку. Предвкушая, как будет удивлена подруга, Динка бросилась ей навстречу.

Маринка, в отличие от подруги, оделась проще: бордовые лосины, пальто и сапоги. Шапку она сняла, а длинные волосы заплела в косу и уложила баранкой на затылке.

– Вот это да! – в восторге протянула Маринка, разглядывая подругу. Ни джинсы, ни сумочка, ни шарф, ни помада не укрылись от ее взгляда. Внезапная Динкина красота не испортила ей настроения. – Какая ты красивая!

– Спасибо, – улыбнулась Динка и протянула Марине банку с газировкой, – это тебе.

Весело щебеча, подруги дошли до школы и, выбирая места посуше, двинулись к трибунам школьного стадиона – именно там сидела кучка подростков, от которой исходил гитарный бой, нестройное пение и смех. Динка немного оробела от вида мальчишеской компании.

– Эй, ты чего встала! – нетерпеливо подтолкнула в спину подруга.

Динка глубоко вдохнула и пошла вперед. Последние несколько метров она мысленно репетировала приветствие, поздравление именинника, темы для разговора. Но, едва по-

дойдя к ребятам, напрочь позабыла все, что хотела сказать. Смутило ее два обстоятельства. Во-первых, Никита – он посмотрел на подруг с интересом, мгновенно сменившимся небрежностью. Во-вторых, на лавочке сидела Катька в окружении своей свиты. Динка стояла как вкопанная, в то время как Марина, опередив ее, поздравила Саньку, пообещав, что подарок ему передаст мама, и тут же плюхнулась на лавочку рядом с Игорем и начала подпевать ему.

На ватных ногах Динка подошла к Сашке, проямлила поздравления и села рядом с подругой. Потом вспомнила, что забыла отдать конверт. Вставая, споткнулась, толкнула Никиту, который сидел ниже. Катька засмеялась, свита угодливо вторила ей. Сгорая от стыда, вручила Саньке конверт и, расстроенная, вернулась на место.

– Марин, Марина, давай пойдем домой, – шептала она подруге, но та не обращала на нее внимания, так как была полностью сосредоточена на Игоре.

Тут Катька демонстративно откашлялась и жеманным голосом протянула:

– Ой, Саша, я совсем забыла тебя поздравить и подарить подарок, – с этими словами она достала из сумки кассету в черной коробке и протянула ее Саньке.

– Ого! – воскликнул тот. – Это же «Черный альбом» «Кино»!

Ребята восхищенно загомонили, Игорь ударил по струнам и, стараясь подражать Цою, запел «Кукушку». Мальчишки

принялись подпевать, но пение перебил очередной Санькин крик.

– Динка! Вот это подарок! – он едва не светился от счастья.

Всем стало интересно, что же такого подарила Динка, поэтому Сашка помахал в воздухе купюрами, и все с уважением поглядели на девочку.

– Наверное, почку продала, лишь бы выпендриться, – громким полупшепотом сообщила Стаханова своей подруге.

– Или на обедах экономила, – в тон ей ответила подруга.

– Да какие обеды, у них денег нет на обеды. Нищенка, – с омерзением выплюнула Катька и окатила Динку презрительным взглядом.

– Завидуй молча, Стаханова, – сказал кто-то из ребят, но та в ответ только фыркнула.

– А что, – вдруг подал голос Никита, – деньги есть, пусть именинник проставляется. Я знаю, где портвейн даже нам продадут. Проставишься, Санька?

– Почему бы и нет, – ответил тот, и ребята радостно загалдели.

Никита, Санька и еще какой-то мальчишка ушли в сгущающиеся сумерки. Стаханова шушукалась с подругами, Маринка о чем-то говорила с Игорем. Динка осталась одна. Уже ничто не радовало ее – ни джинсы, ни сумочка. И помада дурацкая – она незаметно стерла ее с губ тыльной стороной ладони. Поглядела на часы – ребят не было уже двадцать ми-

нут. Динка хотела было пойти домой, но тут из кустов с громкими криками вывалились портвейнные гонцы.

Звеня бутылками и похрустывая пластиковыми стаканчиками, компания расселась на лавочках. Первая бутылка была открыта с боем – пробка не хотела поддаваться. Наконец, совадавав с ней при помощи ключа от подъезда, разлили портвейн. Наливали полные, почти с горкой, поэтому стаканчики были мокрые.

Динка, до этого никогда не пробовавшая даже пива, настороженно поднесла стакан к носу и ощутила резкий, свербящий запах спирта и какой-то приторной сладости.

– Динка, не торопись, – крикнул Саня. – Сначала тост!

Она хотела сказать, что не собиралась пить вообще, но слово уже взяла Катька.

– Дорогой Саша, – снова растягивая слова и стреляя глазами, начала она, – хочу поздравить тебя с днем рождения и пожелать тебе...

– Завязывай, Стаханова! Уже трубы горят! – крикнул кто-то из ребят.

– Да пошел ты! – огрызнулась та и хотела продолжить тост, но все вокруг снова засмеялись. В глазах ребят светился какой-то голодный блеск – все смотрели на стаканы. Поэтому, когда Сашка бросил короткое «Спасибо» и стукнул своим стаканчиком о Катькин, все дружно зашумели, потянулись к имениннику, чтобы чокнуться с ним.

Динка, радуясь тому, что хоть кому-то удалось сбить с

Катьки спесь, тоже решила выпить. Сделав слишком большой глоток, она подавилась. Половина портвейна пошла носом, другая же провалилась в пустоту желудка, обжигая по пути рот и горло. Закашлявшись, Динка выронила стакан на землю и стала жадно глотать воздух. На глаза выступили слезы, в носу свербело.

– Что же ты, дура, разлила все, – засмеялся Никита.

– Да она поди первый раз пьет, – усмехнулась Стаханова. –
Святая ромашка-недотрога.

Кто-то всунул Динке новый стаканчик, налил вино – в этот раз половинку. Игорь начала наигрывать обожаемую всеми «Гражданскую оборону» и напевать, что все идет по плану.

Уже зажглись фонари, а ребята все сидели, пели, цедили вино и не собирались расходиться. Все Динкины надежды на то, что Никита обратит на нее внимание, пошли прахом – тот не замечал никого, только о чем-то негромко разговаривал с Катькой. Та похихикивала, легонько ударяла его по плечу и пищала: «Ну ты извращенец».

Динка собиралась попрощаться со всей компанией и пойти домой – к тете Жене, пельменям и краскам, но вдруг Никита сел рядом с ней и подлил портвейна в пустой стаканчик.

– Скучаешь, а?

– Ну, немного, – пролепетала Динка.

– А ты выпей, веселее станет. Верно я говорю, ребята?

– Да... Верно... До дна, – закричали отовсюду, и тут Кать-

ка завела:

– Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

И через пару секунд уже все подхватили и скандировали: пей до дна, пей до дна, пейдодна, пейдодна. Динке стало страшно. Она глянула на Маринку, но та со всеми в унисон повторяла противное «пей до дна», а глаза ее пьяно блестели. Вскоре кругом не осталось ничего, кроме хоровода бледных, подсвеченных фонарем лиц с темными провалами глаз, повторяющих «пей до дна». И Динка выпила. Снова задохнулась, но уже не так сильно.

– Выдыхай ртом, – подсказал ей на ухо Никита.

Динка выдохнула – коротко и резко, как делали взрослые на праздниках. Это произвело неожиданный эффект – мальчишки рассмеялась и зааплодировали. Динка неловко улыбнулась, засунула руки в карманы и поежилась.

– Замерзла? – не унимался Никита. – Давай еще, чтобы согреться.

Динка отнекивалась, но как-то вяло. В ногах и руках появилась незнакомая шарнирная легкость. В голове легко затуманилось, но она продолжала держать оборону.

– А ведь ты художница, да? – зашел Никита с другой стороны.

– Ну да, рисую вот. Только...

– Так и я художник! Я тоже рисую! Получается, что мы коллеги, а коллегам грех не выпить за общее дело.

– Да ладно, Динка! Жвачкой зажуешь, – крикнула ей Ма-

ринка, вовсю обнимавшаяся с Игорем.

Динка исподлобья посмотрела вокруг – все разбились на небольшие группки и говорили о чем-то своем. И она с отчаянием поняла, что выпить «за коллег» и поговорить о хужожке – последний шанс заинтересовать Никиту. С невероятной скоростью, чтобы не передумать, она выпила вино.

В голове помутилось совсем, язык стал заплетаться. А Никита – вот он, такой красивый, сидел рядом и расспрашивал ее о каких-то художниках. Она начала было рассказывать ему о своей любимой акварели, но заметила, что Никита перемигивается с Катькой, вопросительно глядя на нее. Та молча покачала головой и вернулась к разговору. Вдруг тишину нарушил голоса Саньки:

– Слышь, Игорь, – пьяненько заикаясь, начал он. – Ты руки-то от Марьки убери. Я хоть и пригласил ее потому, что ты просил, а все-таки не тронь ее. Она же сестра моя, пусть и двоюродная.

– Братан, да ты что! Я ж просто учу ее играть на гитаре. Я ж ничего такого...

– Да я вижу твое «ничего». Руки убрал от нее, козел!

– Ты кого козлом назвал, а? – вскочил Игорь.

– Тебя!

– Кажется, сейчас будет драка, – прошептал Никита Динке. – Пойдем прогуляемся.

Они ушли в темноту, оставив позади шум потасовки, девчоночьи визги и матерные выкрики.

Динка плохо соображала, куда Никита ведет ее. Иногда ей казалось, что она слышит еще чьи-то шаги – то за спиной, то сбоку. Через некоторое время с удивлением поняла, что сидит на грязном матрасе в какой-то обветшалой комнате без оконных рам и с полуразрушенными стенами. «Заброшка», – подумала Динка, но, как ни старалась, не могла вспомнить, как они добрались сюда и зачем.

Никита, меж тем, сел рядом и зашептал ей на ухо что-то о любви с первого взгляда и о том, какая она красивая. Потом резко повернул ее голову к себе и попытался поцеловать. Губы у него были мягкие, липкие и холодные. «Как дождевые черви», – подумала Динка, и от этой мысли ее затошнило.

Она хотела отвернуться, но Никита крепко держал ее за затылок. Когда он попытался просунуть ей в рот язык – такой же мерзкий, ее обдало горячим несвежим дыханием, в котором смешались вчерашний чеснок, табак, алкоголь и нечищенные зубы. «Фу, неужели он мне нравился, свинья», – удивилась она про себя. Собрав в кулак остатки сил, Динка оттолкнула Никиту, тот повалился на спину, запутавшись ногами в обивке матраса.

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – зло проговорил он, медленно вставая с пола.

Динка поняла, что дело принимает скверный оборот, и вот-вот случится то самое...

– Никита, не надо, – жалобно проговорила она.

– Чего не надо-то, а? Катька рассказала, что ты влюбилась

в меня. Я видел, как ты на меня смотрела.

– Нет, не влюбилась, – проблеяла Динка, вставая на ноги

– Да наплевать! – с этими словами он толкнул девочку на матрас и попытался стянуть с нее джинсы.

Девичью честь спас тот самый новый ремешок, который крепко держал джинсы на поясе Динки. Этих мгновений хватило для того, чтобы в темноте раздался звуки чых-то шагов, а потом в проходе появилась тень и произнесла:

– Уйди от нее.

– Чоа? – протянул Никита.

– Я сказал тебе: свали отсюда.

– А, Руся, – осклабился Никита. – Хочешь присоединиться?

– Оставь ее в покое, – в голосе мальчишки, несмотря на то, что от волнения он давал петуха, слышалась злость. – Ну и мудака же ты!

– Сам ты мудака! – зло крикнул Никита и бросился головой вперед на Руслана.

Завязалась драка. Оторопевшая, Динка села и не могла пошевелиться. Тут одна тень оседлала другую и сказала голосом Руслана:

– Увижу, что подойдешь к ней или заговоришь, убью! Понял?

Никита придушенно что-то захрипел.

– И даже не думай трепать языком, иначе получишь еще раз. Усек?

Тот снова что-то прохрипел и принялся тихонько посылать. Руслан подошел к Динке и протянул ей руку:

– Вставай.

Она с готовностью ухватилась за нее и вскочила на ноги. Хмель будто ветром сдуло.

По улице шли молча, рядом, рука к руке. Тишина давила, наконец Руслан нарушил ее:

– Я все слышал, как он сговаривался с Катькой. Я хотел увести тебя домой, но ты...

– Я знаю, я вспомнила, – перебила его Динка.

Волна воспоминаний и жгучего стыда накрыла ее, и она заплакала. Страх, стыд, горе, разочарование и облегчение – все слилось в этом потоке. Руслан положил руку ей на плечо, но Динка скинула ее.

– У меня сегодня мать в ночь дежурит, – помолчав сказал он. – Хочешь, пошли ко мне – умоешься, одежду почистишь, а потом домой пойдешь. Еще десяти нет.

Динка ахнула. Она совсем забыла, что должна была вернуться в девять вечера. В первую секунду она хотела бежать домой, но потом решила, что за опоздание получит меньший нагоняй, чем за грязную одежду, размазанную помаду и запах алкоголя. Подозрительно оглядев Руслана, своего вот уж как восемь лет одноклассника, Динка кивнула.

Дома Руслан первым делом поставил на плиту кастрюлю с супом. Потом дал Динке чистое полотенце, одежную щетку и отправил в ванную. Умывшись с мылом, Динка прополос-

кала рот, пригладила волосы и принялась чистить одежду. Когда с этим было покончено, выскользнула из ванной и зашла на кухню. Руслан уже порезал хлеб и разливал по тарелкам жиденький суп. Ели молча. После импровизированного ужина, убирая тарелки со стола, он сказал:

– Я провожу тебя до дома. Если хочешь, могу сказать, что были в кино.

– Нет, не надо. Спасибо, но я сама.

– Хорошо, – ответил Руслан. – Ну-ка, дыхни.

Смущаясь, Динка дыхнула.

– Сойдет. Если не будешь с родителями целоваться, то никто ничего не заметит.

Снова шли молча. Динка стыдилась того, в какую историю умудрилась попасть. Но еще больше стыдилась того, что ее свидетелем стал Руслан. Из-за этого она почти ненавидела его. А он молча топал рядом и сопел: спокойный, коренастый и уверенный в себе.

– Ну, я пойду, – еле слышно пролепетала Динка, когда они подошли к ее подъезду.

– Хорошо. Спокойной ночи.

– Руслан, – позвала она.

– Что?

– Ты только... только никому не говори, пожалуйста.

– Могила, – ответил он и утопал в ночь.

Динка еще постояла у подъезда, пытаясь совладать с нахлынувшими на нее чувствами. Но, представив, какой на-

гоняй получит от мамы, заторопилась домой. Тихонько открывая квартиру, она надеялась, что родители уже спят. Но не тут-то было! Во всех комнатах горел свет, родители ругались, Маняша плакала.

– ...да потому что ты... – мама запнулась, увидев Динку. – Явилась, не запылилась! Где тебя носило, паразитка? Всех одноклассников обзвонила, в больницу, в морг – нет тебя нигде! Ты хоть знаешь, что я пережила? Щас как дам!

Мать подлетела к Динке и закатила ей подзатыльник такой силы, что у девчонки клацнула челюсть.

– Надя, не бей ребенка, – вступился отец.

– Уж кто бы говорил! – зло бросила она ему, а потом снова переключилась на дочь. – Ну, где шлялась?

– Мам, я...

– Толку от тебя никакого! Только жрешь да в художку свою бегаешь!

– Надя, хватит, пожалуйста, – тут уже не выдержала тетя Женя, выглянув из гостиной.

Мама метнула злой взгляд на сестру и быстрым шагом ушла на кухню, громко хлопнув дверью.

– И никакого ужина! – раздалось оттуда.

Но в голосе мамы Динка уже уловила слезы. Впрочем, все как обычно: завтра мама будет плакать и извиняться, потом все будет тихо до очередного срыва.

– Ну и напугала же ты нас, – покачал головой отец. – Все нормально?

– Да, пап. Прости, я...

– Ну и хорошо, завтра все расскажешь. Сейчас уже поздно, спать пора, – перебил ее отец, поцеловал в макушку, пожелал спокойной ночи и ушел спать. В прихожей остались лишь тетя Женя с Маняшей. Понурившись, Динка поплелась мимо них в ванную. Встав под горячий душ, снова заплакала, и за мокрой горячей пеленой пара слез ее не было видно.

Уже потом, когда все уснули, в детскую тихонько прокрадась тетя Женя.

– Дина, солнышко, что случилось? – спросила она тихим шепотом.

Динка притворилась, что спит. Тетя Женя вздохнула, погладила ее по волосам и, поскрипывая половицами старого паркета, вышла из комнаты.

С той злополучной среды прошло две недели. Начались и очень быстро кончились каникулы. Май уже готовил себе дорогу – на улице царила настоящая весна: юная, свежая, зеленая, утопающая в ароматах сирени и цветущих яблонь.

Никита избегал Динки также старательно, как сама она избегала Руслана, его присутствия, взгляда и даже упоминания о нем. С Маринки все еще не сняли наказание. Санька ходил с остатками синяка под глазом, а Игорь – заживающей ссадиной на всю скулу. Но, как оказалось, дружба их не угасла, а стала еще крепче.

– Представляешь, – шептала Маринка в трубку подруге. –

Игорь предложил мне встречаться!

– Так и сказал?

– Ну да! Сказал, что кончится мое наказание, так в кино пойдем. Звонит мне каждый вечер, стихи читает, – счастливо и глупо захихикала она.

Потом Маринка несколько раз пыталась завести разговор о Никите, но Динка уклонялась от него. А после очередной особенно настойчивой попытки коротко отрезала:

– Да он свинья, этот Никита, – на том разговор и кончился.

Динка опять проснулась задолго до будильника. Еще не открыв глаз, она с тоской вспомнила о переезде. Несколько дней назад за ужином родители объявили, что переезду в Москву быть. С того вечера квартира постоянно была полна чужими людьми – покупателями. Некоторые были вежливы и разувались на входе. Другие были менее воспитаны и ходили по дому прямо в уличной обуви, оставляя за собой весеннюю жирную грязь, которую Динке приходилось потом убирать.

Когда покупатель наконец-то был найден, родители стали паковать вещи и продавать мебель. В квартире осталось только самое необходимое: одежда, белье, кое-какая посуда. Все было готово к переезду – родители ждали окончания учебного года.

В пустой комнате даже мысли Динкины казались громкими и гулкими, поэтому она изо всех сил старалась не думать.

Если раньше она пряталась от переезда за шкафом, шторами или под ковром, то теперь прятаться было некуда – квартира была пустая. И над этой пустотой гордо возвышался ПЕРЕЕЗД. Динка молча переживала эту свою трагедию, не приставала с расспросами к родителям, как это делала Маняша, а если и плакала, то в подушку, да и вообще больше молчала в последнее время.

Родителям было некогда. Но если бы они нашли хоть немного времени, понаблюдали за Динкой или даже поговорили с ней, они бы увидели, что Динка окуклилась. Окуклилась как гусеница перед тем, как стать бабочкой. Единственное отличие было в том, что бабочка из кокона появлялась в точно положенный срок, а вот когда вылупится живая, настоящая, отгоревавшая свое маленькое большое горе Динка, не знал никто. Поэтому, никем не тревожимая в своем коконе, она лежала в тишине яркого майского утра.

За окном слышался шум машин, размеренное «ширк-ширк» дворницкой метлы по асфальту и веселое чириканье воробьев. Солнечные лучи высвечивали голые половицы паркета большими неровными квадратами. В их лучах по-королевски неспешно плавали пылинки и шерсть Графа. Сам Граф дремал на подоконнике, жмурясь и пристально разглядывая свои кошачьи сны. Душа Динки тоже дремала....

Последним уроком была горячо любимая Динкой биология. Елена Ивановна – учительница, запустила контроль-

ную. Шелестели листы, скрипели ручки, нерадивые ученики вздыхали, не зная, что написать.

Динка очень быстро, почти играючи, справилась со всеми заданиями, и теперь сидела за партой, не сдавая листа, выводила какие-то каракули на черновике, подсказывала Маринке правильные ответы. И вдруг на нее с оглушительной ясностью накатила волна понимания: пройдет еще неделя, и не станет тут Динки, не ходить ей по коридорам, не переодеваться в гардеробе, не лазать по канату, не слушать Елену Ивановну. В следующем году все снова будут здесь, а ее, Динки, не будет. От этой несправедливости, а еще больше тоски, она начала всхлипывать. Слезы капали на черновик, минута – и рыдания уже рвались из нее наружу.

Ослепнув от слез, Динка подняла руку и просипела сдавленным голосом:

– Елена Ивановна, можно выйти? – и, не дожидаясь ответа, одним мощным движением вырвала себя из-за парты и стремительно выскочила в коридор.

Спрятавшись в закутке, она наконец-то дала волю слезам – очень частым в последние дни. Плач разносился по всему коридору, поэтому учительнице не составило труда отыскать ее.

– Дина, что случилось?

– Я... Мы уезжаем в Москву, насовсем! – девочка подняла опухшие от слез глаза на учительницу.

– И ты плачешь из-за этого?

– Да, потому что не хочу уезжать, я хочу остаться. Я бы жила у тети Жени, – снова всхлипывания.

– Глупышка, – Елена Ивановна протянула Динке платок. – Ты только представь, какие возможности у тебя будут в Москве с твоим талантом к рисованию!

– Не хочу, – упрямо буркнула девочка.

– Родители хотят лучшей жизни для тебя. Поверь, когда ты снова вернешься сюда – через год, три, пять лет, ты поймешь, что родители были правы.

– Все равно не хочу.

Елена Ивановна помолчала, потом вздохнула и произнесла:

– Урок последний, можешь идти домой, если хочешь.

– Спасибо. Там контрольная...

– Оставь ты контрольную. Будто не знаю, что ты на пять с плюсом все сделала.

Под недоумевающие взгляды одноклассников Динка забрала вещи и неспешно пошла по коридору.

– Дина, – позвала учительница, та обернулась. – Все будет хорошо.

Динка вышла в жаркий майский день. Домой идти не хотелось – там ее никто не ждал, никому не было дела до нее. Поэтому она не придумала ничего лучше, кроме как сесть на автобус и поехать за город, к бабушке.

Выйдя на последней остановке, она побрела по утоптанной тропинке среди высокой травы. Чуть погода тропинка

вывела ее на окраину кладбища.

Найдя по памяти бабушкину могилу, Динка открыла калитку, бросила портфель на землю. Смахнула с памятника пыль и птичий помет и принялась выпалывать бугорок могилки. Молодая трава и сохранившийся с прошлого года засохший бурьян поддавались легко. Выполов траву, Динка села на землю. Солнце палило немилосердно. В траве пронзительно стрекотала одинокая цикада.

– Вот, бабуля, – заговорила Динка, – пришла навестить тебя. А то скоро уезжаем. Елена Ивановна говорит, что это хорошо. А я, бабуля, не хочу уезжать. Я хочу остаться. Я могла бы одна жить или с тетей Женей.

Динка замолчала, пощупала изрядно нагревшуюся макушку, вздохнула.

– А ведь как там будет, бабуля, я же не знаю. Мне страшно. Там чужой большой город. И Маринки там не будет, я там буду совсем одна. Представляешь, бабуль, одна в таком огромном городе.

– Не будешь ты одна, – раздался знакомый голос за спиной.

Если бы Динка не была так увлечена своим монологом, она давно услышала бы шаги Руслана. Но теперь он застал ее врасплох.

– Ты что здесь делаешь? – вскинулась она. – Подслушиваешь?

– Нет, не подслушиваю, – но выражение его лица говорило

об обратном.

– Ой, да все равно! – с ожесточением воскликнула Динка. – Плевать! Все равно я уезжаю!

– Я уже слышал. Ты не бойся, Маринка тебе писать будет, она тебя не бросит. Я буду тебе писать, звонить буду, если захочешь.

Динка отвернулась от Руслана.

– Мне страшно, – будто бы ни к кому не обращаясь, сказала она. Руслан сел рядом, вытащил из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок и протянул его Динке.

– Я тут написал, – смущенно засопел он. – Я сначала не хотел писать, а потом услышал, что ты уезжаешь. И вот написал. Ты только сейчас не читай, дома посмотришь.

– Ты забыл, что мне все равно? – немного грубовато спросила Динка, разворачивая листок. Там, смешным корявым почерком было написано:

Динка, помнишь как нас в первом классе посадили за одну парту? Я дергал тебя за хвост, а ты лупила меня учебником? А я просто хотел поделиться с тобой конфетами, которые таскал в школу специально для тебя. Вот мы учимся в восьмом классе, а я до сих пор ношу конфеты в школу для тебя каждый день. И все никак не отдам их тебе. Я хотел сказать, что ты мне нравишься еще в тот вечер на день рождения Сани. Но ты смотрела только на Никиту. А потом ты убежала от меня, не знаю только почему. Ты скоро уедешь, но все равно – давай встречаться?

Динка молча сложила письмо и посмотрела на Руслана.

– Да или нет? – спросил он, не отрывая взгляда от ее лица.

– Руслан, я...

– Понятно. Значит, нет, – он вымученно улыбнулся, засу-
нул руки в карманы брюк и, щурясь, посмотрел на солнце: –
Домой пора.

Динка молча встала, подошла к Руслану и легко коснулась
губами его губ – сухих и горячих. Этот невинный, почти дет-
ский поцелуй заставил Руслана покраснеть.

– Прости, – сказала Динка. Помолчала, потом добавила: –
Но я все равно буду рада твоим письмам.

– Правда? – Руслан глянул на нее исподлобья.

– Конечно. Поехали домой?

Последний учебный день пролетел незаметно. На класс-
ном часе, поздравив учеников с наступающими каникулами,
Анна Львовна сказала:

– Ребята, у меня для вас есть грустная новость.

Класс притих – неужели летняя отработка?

– От нас уезжает Дина.

– Можно подумать, мы скучать будем, – тихим шепотом
произнесла Стаханова, закатив глаза.

– Скучать-то ты не будешь, а вот домашку у кого списы-
вать станешь, а, Стаханова? – пробасил с задней парты Во-
ва-великан – крупный полный мальчишка с лохматой гривой
волос на голове.

Класс засмеялся, щеки Стахановой запылали маковым цветом. Анна Львовна постучала ручкой по столу, призывая учеников к тишине.

– Ребята, тише. Может, кто-то хочет сказать на прощание Дине пару слов?

Все ученики разом уставились на свои руки, а тетради и парты вдруг вызвали неподдельный интерес у всего класса разом.

– Что ж, я так и думала, – вздохнула Анна Львовна. – Может, особо стеснительные напишут пожелания на листочках и положат... Хотя бы в эту коробку?

Кое-кто кто из ребят зашевелился: искали листочки, доставали уже убранные ручки. Кто-то писал быстро, вскакивал с места и, бросив листок в коробку, выбегал из класса навстречу беззаботному лету. Другие писали медленно, вдумчиво, некоторые от усердия грызли ручки. Через десять минут класс опустел, в нем остались только учительница, Динка и Марина, да одинокая муха, лениво нарезающая круги под потолком.

– Марина, а ты ничего не будешь писать? – спросила Анна Львовна у девочки.

– Я уже написала и даже в конверт положила, – ответила та.

– Ну, ладно, – улыбнулась учительница. – Желаю тебе, Дина, успехов в новой школе, хороших и верных друзей. Рисование не бросай ни в коем случае. И нас не забывай.

Динка обняла классную руководительницу. Анна Львовна вручила девочке коробку с пожеланиями и, неслышно передвигаясь по опустевшим коридорам в своих мягких туфлях, ушла в учительскую.

Со странной отрешенностью Динка засунула коробку с письмами в портфель и вопросительно посмотрела на Марину:

– Куда пойдем?

– Да я... Мне домой надо, мама потолки белить собралась.

До отъезда Динки оставалось еще несколько дней, но между подругами уже пролегла нейтральная полоса – пустая, ничейная, которую невозможно заполнить болтовней, девчачьими сплетнями и смешками.

– Ладно. Тогда завтра увидимся.

– Ну да.

В молчании уже бывшие лучшие подруги вышли из школы. Марина пошла домой, а Динка – на остановку, чтобы добраться до тети Жени – именно там они жили последнюю неделю, так как квартира была окончательно продана, а мебель и вещи отправлены в Москву. Все, что было важно и нужно, уместилось в две огромные полосатые сумки и рюкзаки Динки и Маняши.

Дома до Динки никому не было дела. Мама убежала в больницу за карточками, а потом сразу в школу – за документами. Отец пристраивал кому-то свою старенькую «Ниву». Тетя Женя с Маняшей готовили обед, попутно жаря пирож-

ки в дорогу. Переодевшись и бросив портфель в углу прихожей, Динка, никем не замеченная, выскользнула из дома и пошла бродить по городу.

Удивительное дело – у родителей вдруг появились деньги. Поэтому уже несколько дней подряд отец давал девочкам кое-какие средства на карманные расходы и обеды. Динка не обедала – не было аппетита, поэтому теперь у нее скопилась приличная сумма. Раздумывая, куда бы ее потратить, она не спеша брела по тротуару. Проходя мимо парка, решила купить мороженое или сахарную вату и прокатиться на аттракционах.

И мороженое, и вата оказались почти безвкусными, а из всех каруселей Динке больше всего приглянулось колесо обозрения. Выбрав для своего последнего путешествия открытую кабинку, она заплатила за билет, позволила смотрителю пристегнуть себя и закрыла глаза.

Кабинка мерно раскачивалась и медленно ползла вверх. Легкий ветерок ерошил волосы. Динка открыла глаза. Город был перед ней как на ладони – маленький, словно игрушечная модель. Отсюда, сверху, и дома, и машины казались совсем маленькими, словно игрушечными. Люди были похожи на муравьишек, деловито суетившихся и неподозревающих, что сверху за ними кто-то наблюдает. Динка во все глаза разглядывала город, в котором прожила все свои четырнадцать лет. Она жила в нем, не догадываясь, какой он большой. Какой он маленький.

Остаток этого дня и весь следующий она бродила по городу, садилась в автобусы и трамваи, выходила на случайной остановке или ехала до конечной, что-то ела и пила, сидела на скамейках в тенистых двориках, на бордюре у фонтанов, на детских площадках. И слезы уступили место задумчивой отрешенности. Динка будто старалась впитать в себя этот город навсегда и без остатка.

Она совсем забыла о конкурсе в художке. Поэтому была очень удивлена, когда, зайдя попрощаться с Елизаветой Михайловной, увидела на стенде свое имя и фамилию, возглавлявшие список победителей.

– Дина, здравствуй! Не могу до вас дозвониться – все время попадаю не туда. Ты же выиграла поездку в Москву!

– А я и так туда еду, – невесело усмехнулась Динка.

– То есть как так?

– Мы завтра уезжаем туда насовсем. Мама разве не заходила забрать документы?

– Нет, но... Дина, а как же поездка?

– Не знаю, мне она теперь точно не нужна. Пусть вот хотя бы Юра поедет – он же занял второе место. До свидания, Елизавета Михайловна.

Динка развернулась и пошла к выходу. Учительница еще что-то кричала ей вслед, но та уже не слышала ничего.

Все хорошее, как и плохое, когда-нибудь да заканчивается. Два дня прошли незаметно. Наступил день отъезда.

Провожать семью Динки пришли немногочисленные родственники и друзья. Среди взрослых на перроне Динка увидела и своих друзей: Марину за руку с Игорем, Саньку, Петьку, Вовку-великана и, конечно же, Руслана.

На перроне царила суматоха, все обнимались, плакали, обещали писать и звонить. Динку и Маняшу первыми запихнули в вагон, усадили на койки купе и велели стеречь сумки. Динка вышла в коридор, подошла к опущенному окну – там, за окном, стояли ее друзья.

– Ну, ты пиши, Динка, – плаксиво пропищала Маринка.

– И звони тоже, номера знаешь, – пробасил Вова.

– И вы тоже, – ответила она.

Тут проводник объявил отправление и поезд медленно тронулся. В коридоре показались родители. Динка смотрела на медленно движущийся перрон, по которому, убыстряя шаг, шел Руслан. Поезд набирал скорость, Руслан перешел на бег, но все равно был заранее обречен на проигрыш. Вдруг перрон кончился. Руслан остановился на краю, продолжал махать Динке рукой и что-то кричать, но его крик тонул в железном перестуке колес.

– Мама, я забыла краски! – с пронзительным криком Динка бросилась по вагону к выходу, оттолкнула проводницу и стала биться в дверь, пытаясь открыть ее.

Испуганные пассажиры выглядывали в коридор, качали головами и снова отгораживались от внешнего мира и Динкиных криков дверью купе, погружаясь в мир кроссвордов,

жареных куриц, отварных яиц и чая в подстаканниках.

А Динка остервенелю рвала ручку двери, отталкивая проводницу. Тут подбежал отец, сгреб девочку в охапку, извинился и утащил брыкающуюся дочь обратно в купе. Поезд безразлично та-та-такал колесами, пассажиры жевали, проводница разносила постель и предлагала чай. Все пошло своим чередом, как и положено в поезде.

Год спустя

Весь год после переезда Динка атаковала родителей просьбой отпустить ее к тете Жене. В итоге, уступив ее напору, родители поставили условие: пятерки по всем предметам в четвертях и на экзаменах.

Динка тянула ляжку как ошалелая, поэтому после экзаменов родителям не оставалось ничего другого, кроме как купить ей билет «туда-обратно» и в середине июня посадить на поезд, предварительно договорившись с проводницей, чтобы та приглядывала за Динкой. Трое суток в поезде – это вам не шуточки. С Динки же было взято обещание немедленно по приезду сообщить родителям об этом по ближайшему межгороду.

Всю дорогу в поезде Динка провела в мечтах. Наконец, три дня спустя, за окном промелькнули знакомые деревушки и переезд. Еще немного, каких-то полчаса, и она оказалась в городе. Поезд остановился, Динка замерла и перестала дышать. Вернулась! Она ждала, что холодная тоска по родному городу сожмет ее сердце, но этого не произошло.

С чемоданом в руках Динка вытряхнулась на перрон и стала озираться в поисках тети Жени. Через минуту она уже утонула в могучих объятиях тетки.

– Диночка, как же ты выросла! А как вытянулась! – причитала тетя Женя.

Зашли в межгород, позвонили родителям.

Квартира тети Жени почти не изменилась – разве что фикусов стало больше. После того, как вещи были разложены, Динка под строгим присмотром тетки плотно позавтракала. Не зная, куда себя деть, она слонялась по квартире. Когда тетя Жена прилегла вздремнуть, девочка подошла к телефону и по памяти набрала номер Маринки. В трубке послышались гудки, потом знакомый голос ответил:

– Алё?

– Маринка, привет, – так просто, будто и не уезжала на целый год.

Следующие две минуты она слушала радостные вопли и визги подруги. Наконец, когда та успокоилась, Дина предложила встретиться.

– Конечно! – согласилась та. – В шесть вечера у хлебного на углу!

До шести вечера было еще далеко, поэтому Динка, оставив тете Жене записку, ушла гулять. Знакомой дорогой доехала до школы, в надежде встретить там Анну Львовну или Елену Ивановну. Но в школу теперь можно было попасть только по пропуску. Ни с чем ушла Динка из школы.

Дальше ноги сами вынесли ее к дому, где жил Руслан. Она поднялась на третий этаж и очень долго стояла у двери, не решаясь позвонить. Наконец, набравшись смелости, нажала на кнопку дверного звонка. В тишине подъезда раскатистая треть прозвучала особенно громко. Но ни на второй, ни на третий звонок никто не ответил.

Динка пошла в парк. Как и год назад съела мороженое и прокатилась на колесе обозрения. Потом долго сидела на лавочке, праздно глаза на спешивших по своим делам людей. Наконец, часы показали половину шестого, и Динка направилась к хлебному.

Каково же было ее удивление, когда вместо пухлощек, с длинными косами Маринки она увидела стройную скуластую девушку с короткой стрижкой. Подруги, завидев друг друга, кинулись навстречу, визжа от радости так, что прохожие шарахались от них в стороны.

Говорили вдвоем, хохоча, перебивая друг друга, останавливаясь и начиная снова уже совсем другую историю. Задавали вопросы, которые так и оставались без ответа. Весело смеялись. Наконец, когда радость встречи поутихла, Динка спросила:

– Слушай, Марька, я заходила к Руслану, но никого не было дома. Как он вообще?

Маринка насупилась, свела брови вместе и наморщила нос – верный признак приближающихся слез.

– Умер Руслан, еще в апреле.

– Как это умер? – остолбенела Динка.

– Шел домой поздно, какая-то шпана отобрала деньги и ножом пырнула. Поздно нашли его, а так еще можно было бы спасти, – Маринка сердито смахнула слезы.

– Что же ты не написала мне?

– А смысл какой? Это не те новости, которыми хочется делиться.

Повисло молчание. И в этот раз Динка уже умом поняла, что между ней и Маринкой лежит не черта, но пропасть. Она видела, что подруга нервно поглядывает на часы. Тишина все длилась и длилась.

– Слушай, Дин, ты же к нам надолго? – наконец не выдержала Марина.

– Да, недели на две.

– Отлично! Не обижайся, но мы с Игорем в кино сегодня договорились идти на семь часов, – потом, будто оправдываясь, предложила, – хочешь, пошли с нами.

Динка посмотрела на вечернее жемчужно-голубое небо, ответила:

– Нет, ты иди. Я лучше одна погуляю.

Не таясь, Маринка выдохнула с облегчением.

– Ну ладно, тогда пока. Я тебе завтра позвоню.

Динка неловко толкнулась вперед, чтобы обнять Марину, но та уже убежала, то ли притворившись, что не заметила Динкиного порыва, то ли и правда не заметив его.

Проводив подругу взглядом, Динка снова пошла гулять по

городу. И каким же маленьким, глупым, пыльным и незначительным показалось ей все вокруг! Она шла и обдумывала, чем будет заниматься завтра, послезавтра, после послезавтра, но в глубине души, подспудно уже зрела мысль: поменять билет и уехать как можно скорее.

Вот и художественная школа. Динка зашла внутрь – в классах кое-где шли занятия. В холле она остановилась у стенда – на нем до сих пор висели ее работы. Зайдя в свой старый класс, она подошла к парте, за которой провела множество часов, постигая науку рисования, и открыла ящик – там лежали те самые акварельные краски. Без крышки, никому не нужные, они засохли и потрескались. Глядя на них, Динка заплакала. Слезы ее – крупные и обильные, падали на цветные кругляши и тут же впитывались. Когда слез больше не осталось, Динка нашла крышку, закрыла краски и положила их в сумку.

Вздыхнув полной грудью, девочка выпорхнула на улицу в ясный теплый вечер некогда любимого, а теперь забытого города. До самой темноты бродила она по нему. И будто в немом кино проходила перед ней вся ее жизнь, прошедшая на этих улицах. Вот папа учит кататься ее на велосипеде. Вот с этого дерева она упала, заработав огромный шрам на спине. Вот по этой дороге Динка с папой забирали маму с Маняшей из роддома, и Динка – сама от горшка два вершка, с гордостью катила коляску с пухлощекой сестрой. Вот на этой площади каждую зиму ставили елку и высоченную горку, с

которой они с Маринкой катались, визжа так, что дух захватывало. Этот город стал для нее просто воспоминанием...

Где-то там Динку ждали новые свершения, оглушительные взлеты и обидные падения. Где-то, но не здесь. Она сжала в руках коробку с акварелью, улыбнулась и, высоко подняв голову, пошла прочь.

От автора

Видю, вы прочли мой рассказ до конца. Хочу поблагодарить вас за проявленный к моему произведению интерес. Если вы, как и я, не мыслите ни дня без книги, нам с вами по пути. Чтобы не пропустить новинки, предлагаю подписаться на мою страницу во «ВКонтакте»: https://vk.com/ann_writerr или авторскую страницу на ЛитРес: <https://www.litres.ru/anna-kutkovskaya/> . Взамен торжественно обещаю радовать вас интересными историями и захватывающими дух рассказами. Добро пожаловать в мой мир!

А.К.